

МОЛОДАЯ И СТАРАЯ РОССИЯ

В Петербурге террор, самый опасный и бессмысленный из всех, террор оторопелой трусости, террор не львиный, а телячий,— террор, в котором угорелому правительству, не знающему, откуда опасность, не знающему ни своей силы, ни своей слабости и потому готовому драться зря, помогает общество, литература, народ, прогресс и регресс...

«День» запрещен *, «Современник» и «Русское слово» запрещены *, воскресные школы заперты *, шахматный клуб заперт *, читальные залы заперты *, деньги, назначенные для бедных студентов, отобраны*, типографии отданы под двойной надзор *, два министра и III отделение должны разрешать чтение публичных лекций *; беспрестанные аресты, офицеры, флигель-адъютанты в казематах, инквизитор Голицын (jun. прежних времен) призван на совет в Зимний дворец с Липранди *... которого с омерзением оттолкнул года три тому назад тот же Александр II *.

Где свободные учреждения сверху вниз, где революция вверх ногами, где демагоги-абсолютисты министерства? Видно, не удивим мы Европу в тысячелетие, видно, николаевщина была схоронена заживо и теперь встает из-под сырой земли в форменном саване, застегнутом на все пуговицы — и Государственный совет, и протодиакон Панин, и Анненков-Тверской, и Павел Гагарин, и Филарет с розгой спеваются за углом, чтоб грянуть: «Николай воскрес!»

«Воистину воскрес!» — скажем и мы этим неумершим мертвым; праздник на вашей улице, только улица ваша идет не из гроба — а в гроб.

— Позвольте, позвольте, кто же виноват в этом? С одной стороны, горит Щукин двор, с другой — «Молодая Россия»...

— Да когда же в России что-нибудь не горело? Из этого петербургского удивления перед пожарами и поджогами только видно, что Петербург в самом деле иностранный город. Разве в 1834 году не горело Лефтортово, Рогожская, Якиманская часть? * Разве прежде и после не выгорали губернские и уездные города, села и деревни? Поджоги у нас заразительны, как чума, и совершенно национальное выражение *пустить красного петуха* — чисто народное, крестьянское.

— Очень хорошо, мы знаем, что поджигательства были всегда, но «Молодая Россия»?

— Да что это за «Молодая Россия»? — спрашивали мы с беспокойством ¹.

— О, это ужасная Россия! Знаете, отрицание всего, ничего святого, так-таки ничего: ни власти, ни собственности, ни семьи, никакого авторитета; для нее «Великорус» недалеко ушел от «Северной пчелы» и вы отсталый публицист.

Наконец-то этот лист, ужаснувший правительство и литературу, прогрессистов и реактов, цивилизованных парламентаристов и цивилизующих бюрократов, дошел и до нас.

Мы прочли его раз, два, три раза... со многим очень не согласны (и в другой статье поговорим об этом) *, но, по совести признаемся, не понимаем ни белую горячку правительства, ни хныканье добросовестных журналов, ни душесмятения платонических любовников прогресса... Маловерные, слабые люди! Как мало надобно вашим женским нервам, чтоб испугаться, бежать назад, схватиться за фалду квартального; как мало надобно, чтоб ваши парные чувства простыли и свернулись; как мало — чтоб и вы туда же пустили свой камень в преследуемых. И никому из вас не пришло в голову того, что сказали и «Daily News» и «Star»: неурядица в России и лихорадочное волнение идет оттого, что правительство хватается за все и ничего не выполняет, что оно дразнит все святые стремленья человека и не удовлетворяет ни одному, что оно будит — и бьет по голове проснувшихся. Нет, господа, не попадете вы ни в ад, ни в рай, Харон вас отгонит веслом на пресный берег *.

---

¹ К сожалению, мы получили ее не прежде 1-го июля.

Дело другое — открытое, энергическое положение, оно понятно. Для нас во всей этой оргии страха совершенно ясно и рельефно, — ясно, как на блюдечке, положение Липранди и *литературных* товарищей его в Москве *. Липранди как-то нашел средство в самых доносах перейти Рубикон и — свернулся; Николай не вовремя умер. Липранди поторопился с своей академией шпионства, как бы предупреждая по ясновидению семейную переписку московского академического сената с флотским начальником своим *, — словом, Липранди попал не в тон, и, как таракан, упавший на спину, долго не мог справиться, и, само собою разумеется, с восторгом ухватился за «Молодую Россию», чтоб стать опять на свои шесть ног. Для него «Молодая Россия» — точка опоры, и он поплелся устраивать свою карьеру да поправлять свои дела. Карьеру он составит, дела поправит, Филарет даст ему неба, которое нужно для души, государь даст ему земли, которая нужна для крестьян, все это понятно, тут есть логика. Литераторы, идущие на пристяжке III отделения, тоже понятны: они имеют очень реальные виды, они пишут из денег, из мести, из зависти, из самосохранения и пр.; они готовы своей доктринерской риторикой натягивать *круговую поруку* (знаменитое *complicité morale!* *) между неосторожными словами юности и зажженным углем, подброшенным в сарай, между заревом революционных идей и заревом Щукина двора; из-за этого, может, кого-нибудь и повесят, но гражданская доблесть выше всего! Столько же понятна и *третья* категория, разрабатывающая пожары в свою пользу, — категория мошенников и воров, которые, пользуясь передрыгой и общей бедой, обкрадывали погорелых. Эта отрасль практических эксплуататоров имеет, впрочем, перед своими товарищами одну огромную нравственную выгоду и не менее огромную практическую невыгоду в риске и опасности, сопровождающих воровство и нисколько не угрожающих доносам и намекам.

Оставляя в сторону *смирительную* литературу и будущих жильцов смирительного дома, мы обращаемся к действительно честным, но слабым людям и спрашиваем их: они-то чего испугались «Молодой России»? Добро бы они верили, что русский народ так и схватится за топор по первому крику: «Да здрав-

ствуует социальная и демократическая республика русская!» Нет, они все хором говорят, что это невозможно, что народ этих слов не понимает и, напротив, озлобленный за пожары, готов растерзать тех, которые их произносят. И все-таки каждый *честный* человек считает себя обязанным ругнуть молодых людей, осыпать упреками и проклятиями,— считает себя обязанным ужасаться, возводить глаза горб.

Разберите-ка, господа, построже ваше чувство, и вы со стыдом увидите, что вас поразила не опасность, не ложь, не вред, *а прoderзность* вольного слова; чувство *иерархической дисциплины* обижено — не по летам и не по чину говорят...

Если молодые люди (а для нас не подлежит сомнению, что летучий лист этот писан очень молодыми людьми) в своей заносчивости наговорили пустяков — остановите их, вступите с ними в спор, отвечайте им, но не кричите о помощи, не подталкивайте их в казематы, III отделение *fara da se*¹; а шпионов не хватит — у него есть вспомогательная литература, которая только ждет конца русского, секретного, застеночного следствия, чтоб обвинить их в зажигательстве.

Итак, все это страшное дело, поставившее Российскую империю и Невский проспект на край социального катаклизма, разорвавшее последнюю связь между хроническим и острым прогрессом, сводится на юношеский порыв, неосторожный, несдержанный, но который не сделал никакого вреда *и не мог сделать*. Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацию, но винить их мы не станем. Ну что упрекать молодости ее молодость, сама пройдет, как поживут... Горячая кровь, *il troppo giovanil' bollore*², тоска ожидания, растущая не по дням, а по часам с приближением чего-то великого, чем воздух полон, чем земля колеблется и чего еще нет, а тут святое нетерпение, две-три неудачи — и страшные слова крови и страшные угрозы срываются с языка. Крови от них ни капли не пролилось, а если прольется, то это будет их кровь — юношей-фанатиков.

В чем же уголовщина?

---

¹ само справится (итал.).— *Ред.*

² чрезмерный юношеский пыл (итал.).— *Ред.*

Если б правительство умело понимать и не хранило бы важную серьезность швейцара с булавой, как бы оно громко расхохоталось теперь, глядя на испуг мужественных либералов, гранитных прогрессистов, отважных защитников прав и свободы книгопечатания, неустрашимых обличителей, станковых приставов и квартальных надзирателей — глядя, как они, голубчики, побежали под крылышки той же полиции, того же правительства, требуя даже мощным органом *рижской* газеты примерного наказания *. А вы знаете, что такое примерное наказание по образцовому своду нашему? Посмотрите-ка на уголовные законы, с особенной любовью отработанные кротким и добрым царем Николаем с еще более добрым и кротким рабом его и легистом Губе *... Стыдно вам! Вы всю жизнь молчали от страха перед дикой властью, помолчите же сколько-нибудь от страха будущих угрызений совести.

«Молодая Россия» нам кажется двойной ошибкой. Во-первых, *она вовсе не русская*; это одна из вариаций на тему западного социализма, метафизика французской революции, политическо-социальные *desiderata*¹, которым придана форма вызова к оружию. Вторая ошибка — ее неуместность: случайность совпадения с пожарами — усугубила ее.

Ясно, что молодые люди, писавшие ее, больше жили в мире товарищей и книг, чем в мире фактов; больше в алгебре идей с ее легкими и всеобщими формулами и выводами, чем в мастерской, где трение и температура, дурной закал и раковина меняют простоту механического закона и тормозят его быстрый ход. Речь их такую и вышла, в ней нет той внутренней сдержанности, которую дает или свой опыт, или *строй организованной партии*.

Но, сказав это, мы прибавим, что неустрашимая последовательность их — одна из самых характеристических черт русского гения, *отрешенного от народа*. История нам ничего не оставила заветного, у нас нет тех *уважаемых почтенностей*, которые мешают западному человеку, но которые ему дороги. За рабство, в котором мы жили, за чуждость с своими, за разрыв с народом, за бессилье действовать нам оставалось печаль-

---

¹ мечты, пожелания (лат.).— *Ред.*

ное утешение, но утешение — в наготе отрицания, в логической беспощадности, и мы с какой-то радостью произносили те последние, *крайние* слова, которые губы наших учителей едва шептали, бледнея и осматриваясь. Да, мы произносили их громко, и будто становилось легче в ожидании бури, которую вызовут они. Нам нечего было терять.

Обстоятельства переменились. Русское земское дело началось. Каждое дело идет не по законам отвлеченной логики, а сложным процессом эмбриогении. В помощь нашему делу нужна мысль Запада и нужен его опыт. Но нам столько же не нужна его революционная декламация, как французам была не нужна римско-спартанская риторика, которой они говорили в конце прошлого века. Говорить чужими образами, звать чужим кличем — это непонимание ни дела, ни народа, это неуважение ни к нему, ни к народу. Ну есть ли тень вероятия, чтоб народ русский восстал во имя социализма Бланки, оглашая воздух кликом из четырех слов, в числе которых три длинных для него непонятны?

Вы нас считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали от вас в мнениях, то не отстали сердцем — а сердце дает такт. Не сердитесь же и вы, когда мы дружески оборотим ваше замечание и скажем, что ваш костюм Карла Мора¹ и Гракха Бабёфа на русской площади не только стар, но сбивается на маскарадное платье. Французы — народ смешливый, но почтительный; их можно было озадачить римской латиклавой и языком Сенекиных героев; у нас ...народ требовал головы несчастного Обручева*.

...И вот опять слышится хор — не подземный, а бельэтажный, — хор трусов, расслабленных, чающих легкого движения прогресса.

— Да, да, — кричат они, — посмотрите, что делает хваленый народ, это дикий зверь, вот что нас ждет. Подите объясните им,

---

¹ Действительно, в «Молодой России» столько же Шиллера, сколько Бабёфа. Благородные и несколько восторженные и метафизические порывы Шиллера облекались очень часто в кровавые сентенции Мора, По-зы, Фердинанда, за которыми билось его любящее, вечно юное сердце. За один эпиграф его в «Разбойниках» московские сенаторы подвели бы его под первые два пункта, как уличенного зажигателя. «*Quae medicamentae non sanant, ferrum sanat, quae ferrum non sanat, ignis sanat*»*.

что мы теперь не помещики, а землевладельцы, что мы хотим не барщину — а думу, не оброка — а прав гражданина.

Тугонек народ на пониманье и не может так быстро сообщить, что вековой, кровный враг его, который его грабил, позорил его семью, морил его с голоду, унижал, вдруг впал в такое раскаяние — «брат,— говорит,— родной!» да и только...

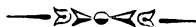
Бывают страшные исторические несчастья, черные плоды черных дел; перед ними, как перед грозой, смолкает человеческая мудрость и покрывает своими руками свои глаза, полные горьких слез.

Наши жертвы искупления, как Михайлов, как Обручев, должны вынести двойное мученичество: они не станут народной легендой, как братья Бандьеры и Пизакане *, народ их не знает, нет — хуже, он знает их за дворян, за врагов. Он не жалеет их, он не хочет их жертвы.

Вот куда привел разрыв. Народ нам не верит и готов побить камнями тех, которые за него отдают жизнь. Темной ночью, в которой его воспитали, он готов, как великан в сказке, перебить своих детей, потому что на них чужое платье.

Не за себя несут наши мученики тяжкую кару народной ненависти, а за других. Эти *другие* слишком торопятся получить амнистию; с своей стороны они, кажется, не были так великодушны, и что же они сделали такого — потерявши устрицу, решаются бросить раковину! Разве шляхетная Магдалина своим собственным сердцем дошла до раскаяния? Разве слово *освобождения* было сказано ею, разве она не упиралась, пока думала, что можно упираться? Так легко и с такой недвольной миной не делаются искупления и не прощаются вековые рубцы.

Очень печально, безгранично печально явление на петербургской площади, но вы, бедные страдальцы, не предавайтесь отчаянию. Довершите ваш подвиг преданности, исполните великую жертву любви и с высоты вашей Голгофы и из подземелий ваших рудников отпустите народу невольную обиду его и скажите *тем* строгим-то, что он имеет право на это заблуждение, что вы благославляете его!

Ст р. 167. ...их будет жалить всякая пчела ∞ «что закон ко всему глух ∞ бунтовщики». — Намек на выступление «Северной пчелы», в котором оправдывались действия итальянского правительства против Гарибальди («Северная пчела», № 226 от 22 августа 1862 г.).

Ст р. 169. *Строки эти были писаны несколько лет тому назад.* — См. «Былое и думы», часть пятая, «Рассказ о семейной драме» (т. X наст. изд., стр. 238—239).

Ст р. 170. ...от *Измайлова, секущего исправников...* — Л. Д. Измайлов был известен своим самодурством и жестоким обращением с крепостными крестьянами. Следствие по его делу началось в 1802 г. и было возобновлено в 1827 г. Несмотря на его оправдание в низших инстанциях, дело Измайлова закончилось в 1830 г. обвинительным приговором.

Ст р. 176. ...*мышья беготня*... — Цитата из стихотворения Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы».

Ст р. 179—180. ...*двенадцать лет тому назад ∞ Ромье проповедовал ∞ что возбужденные революционные силы ∞ направит на вопросы национальные ∞ династические...* — Герцен имеет в виду реакционную брошюру Огюста Ромье («Le spectre rouge») («Красный призрак»), вышедшую в 1850 г.

Ст р. 180. ...*быки и стоят перед горой!* — «Da stehen die Ochsen am Berge» — немецкая поговорка, означающая безвыходное положение.

Ст р. 181. *Sie feiern die Auferstehung des Herrn, // Denn sie sind selber aufstanden // Aus niedriger Häuser dumpfen Gemächern.* — «Faust». — «Они празднуют воскресение господне, ибо сами воскресли из душных комнат низких домов» — цитата из «Фауста» Гёте (часть I, сцена «Vor dem Thor»). Курсив Герцена.

Ст р. 185. ...*николаевское пристрастие к «выпушкам, погончикам, петличкам*... — Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие III, явление 12).

Ст р. 186. ...*на кого оставить Мексику...* — В 1862 г. Наполеон III авантюристически вмешался в гражданскую войну в Мексике. В результате французской интервенции Мексика была превращена в 1863 г. в империю с австрийским эрцгерцогом Максимилианом во главе.

...*папу римского...* — Наполеон III, очень дороживший расположением французских клерикалов, был вынужден всячески поддерживать светскую власть папы, уже значительно пошатнувшуюся. В связи с этим в Риме постоянно находился французский батальон.

...*без малого о единую Италию?* — В 1862 г. Италия была объединена за исключением Венеции и Рима. Говоря об этом, Герцен, по видимому, использует давнее В. Гюго в памфлете «Наполеон малый» прозвище Наполеона III, подразумевая его политические интриги, препятствовавшие объединению Италии.

Позволь мне ∞ рассказать новую встречу с одним старым знакомым... — Герцен имеет в виду свою повесть «Поврежденный» (см. т. VII наст. изд.). «Лекарь» (Филипп Данилович) и «чудак» (Евгений Николаевич) — действующие лица повести.

Ст р. 187. *Помните — Дон-Жуан, ну, там в конце, когда он возвращается в Лондон.* — Герцен имеет в виду эпизод из XI песни «Дон Жуана» Байрона.

Ст р. 190. ...*Nabeas corpus...* — Английский закон о неприкосновенности личности.

МОЛОДАЯ И СТАРАЯ РОССИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 139 от 15 июля 1862 г., стр. 1149—1151, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. Этой статьей открывается лист «Колокола».

Французский перевод опубликован в № 2 «La Cloche».

В *ПВ* хранится автограф статьи, состоящий из 11 листов большого формата. На первом и шестом листе имеются водяные знаки: «Johnson, 1862». Почти все листы склеены из разных кусков, имеют большую смысловую и стилистическую правку; листы 6, 7 и 8, видимо, переписаны набело.

На первом листе над заглавием статьи приписано сверху: «Первая статья» и сбоку заглавия: «Кру», что, может быть, является недописанной пометой для наборщика, означающей «Крупно». На некоторых листах имеется правка, уточняющая неясно написанные слова.

На обороте третьего листа карандашная помета, по-видимому, рукой Герцена: «В защиту народа Обручев». На обороте 8-го листа имеется текст, представляющий собой, очевидно, начало письма: «5 июля 1862, Orsetthouse, Westbourne-terrace. Участие, которое вы показали к общему делу, и моя просьба доставить „Молодую Россию“ — ставит мне в долг известить вас, что я получил...» На последней, 11-й странице после подписи помета рукой Герцена: «всем словом», являющаяся скорее всего указанием на воспроизведение подписи под статьей Герцена. В конце статьи дата: «5 июля 1862 г.» (см. «Варианты»).

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 201, строки 19—20: самосохранения *вместо:* самохранение (по автографу)

Стр. 201, строка 32—33: сопровождающих воровство и нисколько не угрожающих доносам *вместо:* сопровождающим воровство и нисколько не угрожающим доносам

Статья «Молодая и старая Россия» полемически направлена против отдельных положений прокламации «Молодая Россия», которая была широко распространена в середине мая 1862 г. в Москве, Петербурге и провинции. «Она разразилась громом над столицей», — писал много лет спустя в «Воспоминаниях о шестидесятих годах» Н. Я. Николаде о впечатлении, которое произвела прокламация на петербургское общество («Каторга и ссылка», 1927, № 5 (34), стр. 37).

Прокламация «Молодая Россия» вышла из студенческого революционного кружка, занимавшегося литографированием и распространением запрещенной литературы, во главе которого стояли студенты Московского университета П. Г. Заичневский и П. Э. Аргиропуло. Прокламация была написана Заичневским в Тверской полицейской части в Москве, где он находился под арестом, вместе с товарищами по кружку, за антиправительственную пропаганду. Позже, в 1899 г., Заичневский так вспоминал о возникновении «Молодой России»: «<...> написал аз многогрешный, прочел, выправили общими силами, прогладили и отправили для печатания через часового» (Мих. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., М.—Пг., 1923, стр. 520). Прокламация была издана от имени так называемого Центрального революционного комитета. См. книгу Б. П. Козьмина «П. Г. Заичневский и „Молодая Россия“», М., 1932.

«Молодая Россия» начиналась знаменательными словами: «Россия вступает в революционный период своего существования <...> общество разделится в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые, следовательно, стоят враждебно одна к другой». С одной стороны, притесненный народ, с другой — «все имущие, все, у кого есть собственность, родовая или приобретенная». Охарактеризовав «современный общественный строй», в котором «все ложно, все нелепо», прокламация заявляла: «Выход из этого гнетущего, страшного положения <...> один — революция, революция кровавая и неумолимая, — революция, которая должна изменить радикально все, все без исключе-

ния основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка».

Прокламация призывала к захвату государственной власти, установлению диктатуры революционного меньшинства и созданию нового общественного строя — «республиканско-федеративного союза областей», основной ячейкой которого должна быть земледельческая община.

«Молодая Россия» предсказывала, что «скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком: „Да здравствует социальная и демократическая республика русская!“, двинемся на Зимний дворец истребить живущих там».

«Молодая Россия» находила, что «ши один из издаваемых журналов не выяснил обществу революционной программы». Она отзывалась с пренебрежением о прокламациях последнего времени, признавая в них «ни к чему не ведущее либеральничанье», и объявляла себя противником и «Колокола» и «Великоруса». Обвиняя Герцена в том, что он испугался революции 1848 г., отошел от революционных позиций, потерял веру в «насилственные перевороты» и стал на конституционный путь, прокламация подвергала критике «Колокол», как журнал «с либеральной (не более) программой»: «„Колокол“, встреченный живым приветом всей мыслящей России, как первый свободный орган, вскоре становится загадкой для людей действительно революционных. Где же разбор современного политического и общественного быта России, где проведение тех принципов, на которых должно построиться новое общество?» И если «Колокол» еще читается передовой частью русского общества, «то этому способствует еще прежняя слава Герцена, — Герцена, приветствовавшего революцию, Герцена, упрекавшего Ледрю-Роллена и Луи Блана в непоследовательности, в том, что они, имея возможность, не захватили диктатуры в свои руки и не повели Францию по пути кровавых реформ для доставления торжества рабочим». (Текст прокламации см. в книге «Политические процессы 60-х гг.» под ред. Б. П. Козьмина, т. 1, М.—Пг., 1923, стр. 259—269).

В либеральных кругах и широкой обывательской среде угрозы «Молодой России» вызвали тревогу. В этих кругах склонны были видеть за прокламацией большую и сильную политическую организацию. Герцен писал в 1864 г. в «Письмах к противнику» о влиянии этой прокламации на русское общество: «Она, действительно, произвела переворот. Министры прогресса и директора либерализма, гуманная полиция и столоначальники освобождения — все исчезло, как прах, от ужаса и слов „Молодой России“... Страх, наведенный небольшою кучкой энергичной молодежи, был так велик, что через год Катков поздравлял правительство и всю Россию с тем, что она миновала страшную революцию» (Письмо второе, т. XVIII наст. изд.).

Правительство использовало совпадение петербургских пожаров с выходом «Молодой России» для усиления репрессий, о которых говорит Герцен в начале статьи. Герцен, считая появление этой прокламации не отвечающим задачам революционной демократии на данном этапе общественно-политической борьбы и поэтому играющим на руку реакции, упрекнул авторов прокламации в оторванности от жизни, в непонимании нужд народа и его настроений. Но несмотря на то, что «Молодая Россия» довольно энергично полемизировала с Герценом, он подошел к ее издателям не как к своим противникам, а как к заблуждающимся товарищам по общей борьбе, людям своего лагеря. Обрушившись в своей статье на реакцию, использовавшую в своих целях промахи «Молодой России», защищая ее от либералов, Герцен пытался тем самым исправить создавшееся невыгодное для демократического движения положение.

С т р. 199. *«День» запрещен...* — Газета «День» была запрещена (на № 34) 15 июня 1862 г. в связи с тем, что И. С. Аксаков отказался объявить

имя автора статьи, обратившей на себя внимание Александра II. Об этом см. материалы «дела» Особой канцелярии министра народного просвещения, опубликованные С. А. Переселенковым в статье «И. С. Аксаков и Александр II» («Вестник литературы», 1920, № 8, стр. 12—13), а также книгу М. К. Лемке «Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов», СПб., 1904, стр. 180—183.

...«Современник» и «Русское слово» запрещены...— Издание журналов «Современник» и «Русское слово» было приостановлено на восемь месяцев правительственным распоряжением от 15 июня 1862 г. Н. Г. Чернышевский в письме к Н. А. Некрасову от 19 июня 1862 г. так оценивал это событие: «Мера эта составляет часть того общего ряда действий, который начался после пожаров, когда овладела правительством мысль, что положение дел требует сильных репрессивных мер» (Н. Г. Чернышевский и др. Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 454).

...воскресные школы закрыты...— Воскресные школы, возникшие в начале 60-х годов по инициативе прогрессивной интеллигенции, превращались в отдельных случаях в место пропаганды демократических идей. Царское правительство, обеспокоенное «вредным направлением, обнаруженным в некоторых воскресных школах», 10 июня 1862 г. издало распоряжение: «1) Немедленно приступить к пересмотру правил об учреждении воскресных школ; 2) Впредь до преобразования означенных школ на новых основаниях, закрыть все ныне существующие воскресные школы...» (см. «С.-Петербургские ведомости», № 127 от 14 июня 1862 г.).

...шахматный клуб закрыт...— Шахматный клуб был основан в январе 1862 г. в Петербурге группой литераторов во главе с Н. А. Серно-Соловьевичем. Основной задачей его было сближение оппозиционно настроенных писателей. Близкое участие в заседаниях клуба принимали Н. Г. Чернышевский и П. Л. Лавров; последний, вместе с Г. З. Елисеевым, был старшиною этого клуба. В начале июня 1862 г. шахматный клуб был закрыт правительством на том основании, что в нем «распространяются неосновательные суждения» о современных событиях. Приказ петербургского военного генерал-губернатора о закрытии шахматного клуба был опубликован в «С.-Петербургских ведомостях», № 120 от 6 июня 1862 г.

...читальные залы закрыты...— В приказе петербургского военного генерал-губернатора закрытие народных читален мотивировалось «замеченным вредным направлением некоторых из учрежденных в последнее время народных читален, которые дают средство не столько для чтения, сколько для распространения между посещающими оные лицами сочинений, имеющих целью произвести беспорядки и волнения в народе, а также безосновательных толков...» (см. «С.-Петербургские ведомости», № 120 от 6 июня 1862 г.).

...деньги, назначенные для бедных студентов, отобраны...— 29 апреля 1862 г. при «Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым» было открыто отделение для помощи бедным студентам. По приказу Александра II, датированному 10 июня 1862 г., это отделение было закрыто и поручено комитету, управляющему делами отделения, «передать в ведение общества все имеющиеся в отделении денежные суммы».

...типографии отданы под двойной надзор...— Указом 10 марта 1862 г. Главное управление цензуры было упразднено. Цензурные учреждения были оставлены в ведении министра народного просвещения, а надзор за соблюдением печатью цензурных постановлений поручен министерству внутренних дел. В связи с распространением в России запрещенной литературы, 14 мая 1862 г. Александром II были утверждены «Временные правила о надзоре за типографиями, литографиями и другими подобными заведениями» (см. «С.-Петербургские ведомости», № 113 от 27 мая 1862 г.). Параграф 12 «Временных правил» гласил: «Для постоян-

ного надзора за типографиями и за соблюдением настоящих правил, определяются в столицах при управлении обер-полицмейстеров особые чиновники (...). В губерниях обязанности эти возлагаются на чиновников особых поручений при губернаторе. Те и другие действуют на основании инструкций, издаваемых от министерства внутренних дел...»

...два министра и III отделение должны разрешать чтение публичных лекций...— Согласно приказу Александра II от 10 июня 1862 г., чтение публичных лекций в С.-Петербурге разрешалось только «по взаимному соглашению» управляющего министерством народного просвещения с министром внутренних дел, главным начальником III отделения и санкт-петербургским военным генерал-губернатором (см. «С.-Петербургские ведомости», № 126 от 13 июня 1862 г.).

...инквизитор Голицын (jup. прежних времен) призван на совет в Зимний дворец с Липранди...— Подразумевается создание 18 мая 1862 г. особой следственной комиссии под председательством кн. А. Ф. Голицына, которая должна была заниматься ведением всех политических дел. Согласно указу Александра II от 13 сентября 1862 г., задачей этой комиссии являлось расследование «направленной против правительства как заграничной, так и внутренней пропаганды», а также «предпринимаемых злоумышленниками средств к поколебанию в народе доверия и уважения к правительству». О деятельности комиссии см. в «Кратком отчете по делам высочайше утвержденной комиссии 1862—1871 гг.» («Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 192). А. Ф. Голицын не раз принимал участие в расследовании политических дел и расправах с передовой интеллигенцией: в 1834 и 1835 гг. он был членом следственной комиссии по делу Герцена и Огарева, в 1849 г. участвовал в следствии по делу петрашевцев, в 1860 г. был председателем комиссии по делу харьковских студентов (см. заметку «Князь А. Ф. Голицын» в т. XIV наст. изд.).

... которого с омерзением оттолкнул года три тому назад тот же Александр II.— Герцен имеет в виду предложение И. П. Липранди воспринимать шпионские кадры из гимназистов, «которые доносят на товарищей» (см. об этом в статье «Что значит суд без гласности», т. XIII наст. изд., стр. 182).

Стр. 200. *Разве в 1834 году не горело Лефортово, Рогожская, Якиманская часть?*— О московских пожарах 1834 г. см. в «Былом и думах», часть вторая, глава X (т. VIII наст. изд., стр. 191—194).

...со многим очень не согласны (и в другой статье поговорим об этом)...— Имеется в виду статья «Журналисты и террористы» (см. наст. том).

...не попадете вы ни в ад, ни в рай, Харон вас отгонит веслом на пресный берег.— В древнегреческой мифологии Харон — перевозчик, переправлявший на своем челноке через реку Ахерон в царство мертвых тени умерших. Одних Харон принимал в челнок, других же, не погребенных, отгонял шестом от берега (см. В е р г и л и й. «Энеида», песнь VI).

Стр. 201. ... Липранди и литературных товарищей его в Москве.— Намек на журналы «Наше время» и «Русский вестник».

Липранди поторопился с своей академией шпионства, как бы предупредая о перелиску московского академического сената с флотским начальником своим...— Герцен сравнивает шпионскую деятельность Липранди с теми доносами, которые содержались в «Исторической записке, составленной университетской комиссией по поводу происходивших в сентябре и октября 1861 г. беспорядков между студентами университета и представленную университетским советом чрез его превох. г. попечителя м(осковского учебного) округа» министру народного просвещения Е. В. Путятину. Подробнее о ней см. на стр. 376 наст. тома.

...*complicité morale!*...—Нравственное соучастие (франц.).

С т р. 203. ...*требуя даже мощным органом р и ж с к о й газеты при- мерного наказания.*—В «Лифляндских губернских ведомостях» и «*Rigasche Zeitung*» в июне 1862 г. печатались статьи, в которых поддерживались провокационные слухи о причастии студенчества к майским пожарам в Петербурге.

Посмотрите-ка на уголовные законы, с особенной любовью отрабо- танные крошким и добрым царем Николаем ∞ и легистом Губе...— Речь идет о XV томе «Свода законов Российской империи, повелением госу- даря императора Николая Павловича составленного», в состав которого входили «Законы уголовные». В конце 1840 г. для пересмотра разделов «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» был создан спе- циальный комитет под председательством гр. Д. Н. Блудова. Членом этого комитета был и историк-юрист Р. М. Губе, игравший важную роль в кодификационной работе при Николае I. В резуль- тате работы комитета раздел о «Преступлениях государственных» был значительно дополнен. Проект переработанного и дополнен- ного «Уложения о наказаниях» был утвержден Государственным советом в августе 1845 г., а с 1 мая 1846 г. «Уложение» вступило в действис.

С т р. 204. «*Quae medicamentae non sanant, ferrum sanat; quae ferrum non sanat, ignis sanat.*»—«Чего не исцеляют лекарства, исцеляет железо; чего не исцеляет железо, исцеляет огонь»—этот эпиграф к драме «Разбойники» Шиллер взял из так называемых «Афоризмов» древнегреческого врача и философа Гиппократа. Шиллер приводит афоризм не целиком: у Гип- пократа он заканчивается словами: «а то, чего не излечивает огонь, дол- жно считаться неизлечимым».

...*народ требовал головы несчастного Обручева.*— В. А. Обручев был арестован в 1861 г. за распространение прокламации «Велико- рус». Для того чтобы внушить массе городского населения провока- ционную мысль о связи «преступника» с поджигателями, обряд граждан- ской казни Обручева был назначен сразу же после майских пожаров в Пе- тербурге. «Сегодня также, — записал 31 мая 1862 г. Никитенко в своем дневнике, — на Мытной площади происходила казнь <В. А.> Обру- чева за распространение возмутительного сочинения против государя и верховной власти, т. е. над его головой была переломлена шпага и объ- явлено ему: каторжная работа на три года, а затем вечное пребывание в Сибири» (А. В. Н и к и т е н к о. Дневник, т. 2, ГИХЛ, 1955, стр. 276—277). В официальной прессе сообщалось, что толпа требовала смертной казни Обручева.

С т р. 205. ...*они не станут народной легендой, как братья Бандьеры и Пизакане...*— Активные участники национально-освободительной борь- бы Италии за освобождение от австрийского ига братья Аттилио и Эми- лио Бандьера 17 июня 1844 г. вместе с группой своих единомышленников высадились на побережье Неаполитанского королевства с целью поднять восстание против монархии Бурбонов, но были схвачены и расстреляны. Имена братьев Бандьера были очень популярны в итальянском народе. Рассказывая в «Письмах с *via del Corso*» (письмо третье) о демонстрации римлян в канун нового 1848 г., Герцен отмечал, что народ шел с лозунгом: «Да здравствуют итальянские мученики, братья Бандиера!» (т. V наст. изд., стр. 278). Карло Пизакане, один из руководителей обороны Рим- ской республики в 1849 г., совместно с Маццини разработал в 1857 г. план высадки революционной экспедиции в Неаполитанском королевстве, ко- торая должна была явиться началом общенеаполитанского восстания. 25 июня 1857 г. при осуществлении этого плана Пизакане погиб. В пятой части «Былого и дум» Герцен писал, что его смерть воспевалась в народных легендах (см. т. X наст. изд., стр. 67—68).